

УДК 882 (09)

DOI: 10.17223/24099554/8/10

Е.К. Чхаидзе

СОВЕТСКИЕ ОСКОЛКИ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И ЕГО РОЛЬ В ПОСТСОВЕТСКОЙ «ДЕКОЛОНИЗАЦИИ»

Советское культурно-политическое пространство представляло собой мозаику, скрепленную идеологией «дружбы народов». В период гласности мозаика разбилась о свободу слова. На поверхность всплыли двойные идеологические стандарты, прикрытые маской дружбы. Начиная с середины 1980-х гг. в русской литературе появились тексты, отражающие расколотившуюся «гармонию». В статье автор обращается к двум полям рефлексии: первому, в котором продолжилась тема дружба, и второму, в котором проявилось стремление к «деколонизации»/высвобождению от старой формы межнациональных отношений, навязанной советской идеологией.

Ключевые слова: русская литература постсоветского периода, национальный вопрос, тема Других, А. Битов, В. Астафьев, Н. Бойко, Ю. Хабибулин, Е. Одинокова, В. Морозов, В. Передельский, О. Ларин, Н. Пчелин.

Советское культурно-политическое пространство представляло собой мозаику, скрепленную идеологией «дружбы народов». Но за маской дружбы скрывался клубок неразрешенных национальных вопросов, вылившихся впоследствии в межнациональные / межэтнические конфликты позднего и постсоветского периодов. Вопрос о роли и месте разных наций в Российской империи и в СССР интересовал многих исследователей, и споры до сих пор не утихают. О национальной политике и определении СССР как особой империи писали западные и российские ученые [1–8]. Обращусь к самым популярным из них.

Андреас Каппелер в книге «Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung – Geschichte – Zerfall / Россия как многонациональная империя. Возникновение. История. Распад» (1992, на русский язык переведена в 1997 г.) рассматривал СССР как наследника Российской империи в рамках единого поля – «советской полиэтнической

империи». Он обратил внимание на то, что история России зачастую неверно воспринималась исключительно как национальная история русских¹.

Терри Мартин в книге «The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939 / Империя "положительной деятельности". Нации и национализм в СССР, 1923–1939» (2001, в русском переводе вышла в 2011 г.), сфокусировав внимание на сталинском периоде, точнее на анализе мероприятий центральной власти по поддержке и развитию культур национальных меньшинств, продемонстрировал, вразрез с распространенным, особенно в постсоветский период, мнением, неверность представлений о подавлении малых народов «титულიной» нацией². В более ранней статье на эту же тему «Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма?» (2001, переведена и опубликована в 2002 г.) он пишет о том, что большевики проводили политику имперской деколонизации. Она сводилась к культивированию отдельной национальной идентичности и национального самосознания нерусского населения, целью которой было сохранение территорий Российской империи для формирования нового централизованного социалистического государства [10. С. 56]. Ступенями в деколонизации были образование национальных территорий, на которых говорили на собственных языках, открытие культурных учреждений, восстановление исторической памяти и издание классических произведений национальной литературы [Там же. С. 72]. Мартин приводит факты, когда представители национальных меньшинств обладали большими привилегиями, например, в продвижении по карьерной политической лестнице:

<...> всем нерусским было гарантировано покровительство, русские одни несли на себе тяжесть позитивной дискриминации. <...>

¹ «До недавнего времени в западных странах все жители СССР обозначались как русские, и ничего не было известно о литовцах, казахах и грузинах, не говоря уже об осетинах, месхетинцах или гагаузах». И далее: «Авторитарная система при помощи широкой информационной монополии и репрессий десятилетиями скрывала существование национальных проблем. Основная часть западных наблюдателей принимала такое положение вещей: некоторые представляли себе государство лишь как гомогенную этническую общность. <...> И только распад СССР показал широкой общественности, что Советский Союз был полиэтнической империей» [8. С. 16–17].

² «Советская политика была оригинальной в том отношении, что она поддерживала проявление национальных форм меньшинств в ущерб титульным нациям. Она решительно отвергла модель национального государства, заменив ее множеством национальных по типу республик» [9. С. 75].

Советская политика действительно предусматривала самопожертвование русских в национальной сфере <...> [10. С. 78–79].

Одновременно с работами Мартина вышла статья Дэвида Ч. Мура «Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique / Есть ли пост- в постколониальном и пост- в постсоветском?» (2001), в которой автор стремился дать определение Советскому Союзу как особому типу империи, употребляя термин «reverse-cultural colonization (обратно-культурная колонизация)» [11]. В статье также рассматривался национальный вопрос. Мур приходит к выводу, что в СССР проводилась политика упразднения привилегий для русских на юге и востоке бывшей Российской империи, и советская власть прикладывала большие усилия с целью развития индустрии, образовательной и медицинской сфер на «периферии»: строительство заводов, фабрик, школ, больниц, освобождение женщин из гаремов [Там же. С. 123]. Д.Ч. Мур подчеркивал антиколониальный характер советской политики, целью которой было построение государства новой формации.

В то же время российская исследовательница Мадина Глостанова в книге «Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская культура и эстетика транскulturации» (2004), определяя СССР как «трансимперское, транскulturное и транснациональное» пространство, говорит о чувстве «второсортности всех остальных этносов и народов – как живших внутри СССР, так и его полуколоний – социалистических стран» [12. С. 50].

Разновекторность недовольств как со стороны «титупной нации», так и со стороны «малых народов» формировала доманифестные формы межэтнического напряжения. Их причинами могли быть бытовой и неофициальный национализм, несправедливые, с точки зрения различных этносов, административные границы; факт проживания части этноса за границей СССР (как это имеет место в Азербайджане или на Западной Украине); ошибки регионального планирования; просчеты в культурной и языковой политике; нарушение пропорций представленности различных этносов в науке, культуре, административных органах; засекречивание информации, касающейся недавней истории; наконец, наследие сталинизма в виде различного государственно-правового статуса различных народов [13].

Свобода слова, провозглашенная в период перестройки и гласности, стала катализатором перерастания доманифестных форм межэтнического напряжения в манифестные. На поверхность всплыла

ранее непозволительная советской политкорректностью агрессивная национальная и «псевдопатриотическая» риторика. Недовольства, обсуждавшиеся на бытовом уровне, при первой же возможности, предоставленной политической ситуацией, проявились в рамках официальной политики. В статье «Переписка из углов Империи» Константин Азадовский констатировал:

<...> камнем преткновения для советской Империи оказался именно национальный вопрос. Под ритуальные заклинания о «братской дружбе» и «добрососедских отношениях» национальное звено неуклонно слабело в цепи социализма. Взрывы национальной ненависти, потрясшие СССР в конце 1980-х годов (и продолжающиеся поныне), не приснились бы советскому человеку и в кошмарном сне. <...> Первые попытки либерализации в СССР вызвали, с другой стороны, и всплеск националистических, «прорусских» настроений [14. С. 11].

Прецедент

Итак, во второй половине 1980-х гг. мозаика «дружбы народов» разбилась о свободу слова, что получило свое отражение в литературе. Этот период, а именно 1985 г., оказался переломным. Тогда наметились две тенденции обращения центра к периферии и, наоборот, периферии к центру: первая – в контексте «дружбы народов», т.е. романтически-утопический подход как к Своим, вторая – в контексте выстраивания образа врага, суть которой сводилась к изображению Других как чуждых и виновных в неурядицах Своих. Первым наглядным прецедентом и примером новых тенденций явились два произведения, которые были опубликованы практически одновременно: «Грузинский альбом» (1985) Андрея Битова [15] и «Ловля пескарей в Грузии» (повесть датирована 1984 г., вышла в свет в 1986 г.) Виктора Астафьева [16]. Оба текста касаются грузинской тематики, которая стала традиционной для русской литературы на протяжении последних двух веков, и она же первой явилась полем моделирования нового подхода к уже устоявшемуся представлению.

Для автора-рассказчика Битова Грузия – это *своя* страна, которая является частью русской культуры, и путешественник видит ее только сквозь русскую литературу [17]. Прогуливаясь по Тбилиси, он обращает внимание на то, что «буквы были хотя и грузинские,

но даты – мои». Путешественнику воображается, что через него проходят три человека, и, по описанию силуэтов, они схожи с Пушкиным, Лермонтовым и Толстым. Грузия Битова – это перекресток времен и культур.

Для астафьевского повествователя – это не страна, связанная с русской культурой, а чужая, восточная страна с неприемлемой для «цивилизованного» человека моделью поведения и отношений в социуме. В повести «Ловля пескарей в Грузии» Астафьев «удивительным образом собрал все сложившиеся в истории и в массовом историческом сознании антикавказские предубеждения и негативные стереотипы. Грузины были показаны как тупые, жадные, невежественные торговцы и жулики, думающие только о деньгах и обманывающие простодушных славян на просторах страны» [18. С. 107]. В повести все мотивы, ранее принятые для изображения Кавказа и Грузии, оказываются перевернуты: не богатая, а бедная природа; не щедрый, а жадный и деспотичный грузин. «Ловля пескарей в Грузии» стала причиной обвинений писателя в национализме [14. С. 5–7].

Национальный вопрос, особо остро поднятый в период перестройки, подтолкнул к перемоделированию подхода к литературным темам и образам¹. Этому явлению, на мой взгляд, есть свое объяснение. Если основываться на литературном поле, а не на политическом, то становится понятно, что ближе к официальной дате распада СССР Россия, как и другие советские республики, уже начала выстраивать свой «новый» суверен вне связей с «колониями». Целенаправленное проявление негативного отношения и якобы недопонимания эмоционально-поведенческих моделей других этнических сообществ ставило своей целью оттолкнуть эти сообщества от представителя того народа, чьему перу принадлежали критические замечания. Всплеск национализма, вспоминая «Империю» Майкла Хардта и Антонио Негри (2000), был закономерностью и, более того, служил «деколонизации» в ментально-социальном смысле. Рассматривая современные произведения, важно обратить внимание на то, что не только «периферия» стремилась к независимости и само-

¹ Например, смешение старого и нового взглядов на вроде бы уже утвердившееся за долгие годы культурно-исторических связей отразилось в ряде произведений, о которых я уже писала: «Империя в четырёх измерениях» Битова [17], роман Наталии Соколовской «Литературная рабыня: будни и праздники» [19], роман «Тбилиссимо» и сборники притч Василия Димова [20, 21].

стоятельности от «центра», но и «центр» также стремился освободиться от связей с «периферией», что наглядно продемонстрировала астафьевская повесть. Итак, за «деколонизацией» стоял «национализм угнетенной нации»: «оказавшись в руках доминирующих групп, понятие нации поддерживает застой и реставрацию, а в руках угнетенных групп – это оружие перемен и революции» [22. С. 107].

В русской литературе постсоветского периода¹ существует целый пласт малоисследованных произведений, которые дают материал для анализа способов «деколонизации». В этой группе текстов представлены различные ракурсы проявления отношений друг к другу, мотивированные установками на политическом уровне и стереотипами, существовавшими на бытовом уровне: взгляд русских жителей «центра» на народы бывших советских республик, а также на русских, проживающих на периферии; и взгляд жителей «периферии», т.е. бывших советских республик, на русских жителей «центра» и на русских в республиках; кроме того и взгляд друг на друга жителей разных национальностей на периферии. Произведения, к которым я обращусь ниже, и тексты, которые остались за рамками этой работы, позволили выделить несколько способов «деколонизации»: предъявление претензий, связанных с разными историческими событиями (например, завоевательная политика России, начиная с имперских времен), обвинения в недооцененности вкладов в индустриальную / образовательную / медицинскую сферы (например, эмиграция русских специалистов в советские республики), указания на отличия во внешности и на языковые отличия (например, акцент).

«Декolonизация» является оборотной стороной нациестроительства. Бенедикт Андерсон понимает под нацией «воображаемое сообщество», идентифицирующее себя как единство, исходя из общности языка, территории, внешне-физиологического типа [23]. Бернд Эстель в книге «Nation und Nationale Identität / Нация и национальная идентичность» (2002) писал о том, что нация ассоциирует себя с отдельной закрытой территорией как традиционной родиной или колыбелью народа, а также акцентирует существование собст-

¹ Несмотря на различные мнения, постсоветский период в литературе я связываю с 1985–2014 гг. О 2014 г. как конце постсоветскости писали: Кобрин К. Конец и постскрипtum // Настоящее время, 25.08.2016. <http://www.currenttime.tv/a/27945804.html?posache=1>; Аюпов П. Возвращение // Взгляд. Деловая газета. 02.03.2014. <http://www.vz.ru/politics/2014/3/2/675068.print.html>

венной духовной культуры и связанной с ней гражданской идеологии (под ней понимается существование общих исторических воспоминаний, воплощенных в мифах или в общих символах и традициях) [24].

Анализ процесса «деколонизации», отразившегося в русской литературе, я выстрою по принципу группирования текстов соответственно вышеуказанным мотивам: тема оккупантов, тема недооцененности, тема языковых и внешних отличий. Практически все писатели, о произведениях которых пойдет речь, отталкивались от реальных событий, свидетелями которых они оказались. Автобиографичность является ведущей характеристикой текстов, связанных с темой постсоветских социально-политических изменений.

«Оккупанты» или «миссионеры»?

Соединение тем оккупации и недооцененности присутствует в повести Нины Бойко¹ «Прощай, Сакартвело! Записки обывателя» (2005). Писательница обратилась не просто к теме русских в Грузии, а к теме перекрещивания двух «национализмов угнетенных групп» (Хардт, Негри): самих грузин и русских жителей Грузии. Повесть дает возможность выявить, как доманифестное межэтническое напряжение, существовавшее в обществе в основном на бытовом уровне и связанное с исторической несправедливостью и разницей культур, при первой же возможности огласки в середине 1980-х гг. переродилось в манифестное и проявилось на политическом уровне в виде антироссийских лозунгов и акций. Со стороны грузин открыто звучали упреки в оккупации и советизации Грузии, а со стороны русских – относительно робкие возражения по поводу недооцененности их индустриальной / цивилизаторской миссии.

Обратившись к впечатлениям переселившейся с Урала русской женщины Нины, прототипом которой явилась сама писательница, Бойко помогает читателю понять изменение восприятия Грузии. Автор поместила свою героиню в гущу событий позднесоветского и постсоветского периодов на периферии. Благодаря Нине, ее беседам с жителями южной страны (русскими и грузинами) читатель знако-

¹ Нина Бойко (1950 г. рожд.) – малоизвестная русская писательница из маленького города Губаха Пермской области, на счету которой несколько повестей, романов, исторических исследований. См.: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1805340226> (последнее посещение: 29.09.2016).

мится с особенностями отношения к Грузии: сначала как к раю, где нет хамства и торжествует благополучие,¹ затем, после погружения героини в бытовую среду, как к незнакомому миру, скрывавшемуся за «дружбой народов», в котором сложность отношения грузин к русским и русских к грузинам вскоре выльется в националистические лозунги.

Итак, героиня Нины Бойко вспоминает историю своей семьи, приехавшей в 1968 г. с Урала в Грузию по распределению и оказавшуюся свидетельницей постсоветских столкновений в республике (грузино-абхазский, грузино-южноосетинский конфликты) и всех перипетий (9 апреля 1989 г., Гражданская война в Грузии), предшествовавших обретению независимости². Семья была типичной для советской индустриальной миграции, или, как пишет С. Беляков, «нормальной "экономической" миграции» [26], официальным поводом которой являлось стремление помочь в развитии края. Супруг главной героини строил Худоги-ГЭС, а сама Нина вкладывала свои силы в образование, работая учительницей русского языка и литературы в школе.

Но вскоре на смену старому советскому образу Грузии-рая пришло новое государство, в котором русским не находилось места. Для вскрытия причин межнациональной напряженности, переросшей в вооруженный конфликт, писательница выбрала прием диалога, в котором слова учительницы Нины передают распространенное мнение русского населения, а слова грузина соседа-скрипача Эмзари – точку зрения грузинского населения времен Гамсахурдия. В восприятии Нины из дружеского народа русские превратились для грузин в захватчиков, стремящихся их уничтожить. Это слышно и в словах Эмзари: «Мы не хотим, понимаешь, не хотим больше быть русскими!» [25. С. 123]. Культивируемая в советской памяти спасительная роль Российской империи в истории Грузии для грузин становится объектом забвения. Образ врага стал ассоциироваться с русскими. С ними же население связывало межнациональные конфликты: «Национальная рознь – последняя ставка имперской России!» [Там же. С. 135]. Информация, которая выливалась с гру-

¹ «На взгляд издерганного талонами и очередями человека, здесь есть все, и ни очередей, ни ограничений. <...> Мне приятна нетеропливость грузин, готовность объяснить тебе все подробно; нравится, что обращаются ко мне не “гражданочка” или “жэнщина”, а “калбатано”, т.е. “уважаемая”» [25. С. 111–113].

² В основу повести легли личные воспоминания писательницы о Грузии конца 1980 – начала 1990-х гг. (времена Гамсахурдия и времена Шеварднадзе).

зинских телеэкранов, сводилась к оскорблениям и определениям «русские агрессоры и оккупанты», а в быту – «бродяги и маймуни» (с груз. «обезьяна»). Особо агрессивную роль в проявлении антирусских настроений, по мнению автора, проявляли женщины:

Женский национализм еще гаже мужского, женская подлость еще ниже! Они сделали большую работу, они сорвали с места сотни русских людей, заставили уехать неведомо куда, они не жалели ни детей, ни стариков, не жалели могил. Они кричали: «Кто останется – будут батраками!» И они молились Богу, жгли свечи на митингах. Они и с Богом играли. И он не простил [25. С. 140].

«Национализм угнетенной нации» в Грузии проявлялся не только по отношению к русским, но и по отношению к самим грузинам. Это отражалось не на официально-политическом уровне, а на бытовом. Грузины в глазах русских жителей выглядели отсталым народом, который был «оцивилизован» после прихода Российской империи на их землю. Русские жены грузин по закоулкам говорили следующее: «Подлецы грузинские! Всю кровь выпили! Жили в дощатых поросятниках и продолжали бы жить, если бы не русские!» [Там же. С. 134]. В конце текста писательница стремится смягчить острые споры и сводит обвинения своей героини к критике политики (Гамсахурдия, Шеварднадзе, Горбачёва¹), а затем приводит нейтральную точку зрения. На вопрос Нины, о том, действительно ли русские сильно ущемляли достоинство грузин, получает ответ от другого своего знакомого грузина:

– Никто нас не ущемлял, – отмахнулся. – Если наш нейрохирург Датиашвили спас литовскую девочку, то о нем весь мир узнал, хоть он не в Тбилиси, а в Москве. А если наши мешочники таскаются по Союзу, то и стоят, чего стоят. Роланд дал мне веру. Что нам делить? Зачем делить? Зачем обязательно, чтобы свои и чтобы не свои? [Там же. С. 140].

Новые лозунги и настроения стали для рассказчицы неожиданными: произошла «трансформация» советского в русское, «дружба народов» оказалась маской. Нине непонятно, почему советская армия стала для грузин – русской, как будто другие народы в ней не служили, почему раньше грузины стремились получить образование

¹ Для Бойко М.С. Горбачев – не меньший преступник, чем Гитлер, потому что он создал в стране самую «благоприятную» почву для нацизма [25. С. 158].

в России, а сейчас говорят, что это было лишь модой. Советская установка на дружбу народов, в которой сформировалась писательница, сдерживает ее в изображении полного разрыва. Антирусские настроения она смягчает сюжетами о взаимопомощи грузин и русских¹ и отрывками текста, в которых отражаются сожаления по поводу проявления национализма. «Как же это произошло?» – является сквозным вопросом в тексте. Но все же «деколонизация» состоялась. В 1990-е гг. Грузию покинуло большое число русских и русскоязычных жителей. Заканчивается повесть отъездом семьи Нины. И несмотря на фразу «Не уехать отсюда – приросли» [25. С. 155], звучит обида² и произносятся слова: «Прощай, Сакартвело!»³ [25. С. 165]⁴.

Темы исторической несправедливости и недооцененности становятся сквозными и у других авторов: у Вячеслава Морозова в повести «Цхинвал» (2007) и у Юрия Хабибулина «Фуршет на летном поле» (2012).

Вячеслав Морозов (1954–2010)⁵, будучи журналистом и писателем, побывавшим в разных «горячих точках» советского и постсоветского пространства, создает произведение, основанное на собственных воспоминаниях. Повествование ведется от лица рассказчика, а в центре повести стоит главный герой, русский десантник, ставший позже журналистом, – Николай Горячев. В тексте воспоминания рассказчика переплетаются с его советами и умозаключениями, сделанными на основании путешествий по постсоветскому пространству. Если у Бойко мы знакомимся со взглядом русской «эмигрантки», т.е. взглядом изнутри, то у Морозова – со взглядом бывшего русского военного, для которого советские республики – это территория службы, на которой он должен выжить:

¹ Например, во время болезни и Эмзари помогал Нине, и Нина помогала Эмзари.

² «Оплевав и обгадив русских, Грузия уже не дожидается специалистов из России: никто не поедет туда, где тебя эксплуатируют и тебя же обзывают оккупантом. А русские специалисты – самые дешевые, немецких не купишь за триста пятьдесят рублей в месяц» [25. С. 142].

³ Сакартвело – Грузия.

⁴ Забегая вперед, скажу, что следующий шаг, связанный с возвращением в Россию, оказался также нелегким, потому что, как и, например, герой Дениса Гуцко в романе «Русскоговорящий» [20], возвращающиеся русские ощущали себя «второсортными» в России [25. С. 144].

⁵ Вячеслав Валентинович Морозов родился в селе Сидоровка Романовского района Алтайского края. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал журналистом. В «Нашем современнике» в 2004 г. был опубликован его документальный роман «Адмирал ФСБ».

<...> находясь у армян, ты должен говорить, что прилетел сюда именно потому, что сочувствуешь армянам; будешь у азербайджанцев – говоришь то же самое про азербайджанцев. Но воздержись при этом от проклятий в адрес враждующей стороны – когданибудь может аукнуться! Грязи друг на друга они и сами выльют немало, когда начнут тебе рассказывать про свои несчастья. Личные эмоции – на самое доньшко, под крышку люка, и – на большой амбарный замок! Запомни: там у каждого своя правда, за эту свою правду они и воюют, и не тебе вмешиваться в процесс и быть судьей. Россию и русских будут проклинать и те, и эти, и пятые, и десятые – это уже внедренная извне мода: русские виноваты во всем [27. С. 92].

Рассказчик не верит в естественное формирование межнациональной напряженности: упреки или обвинения в адрес России он считает навязанными.

В любой бывшей республике Горячев видел перевертыш: «дружба народов» превратилась в конфронтацию между Россией и советскими республиками. Его путешествие – это география национализмов. Например, будучи на Украине с целью сделать репортаж об историческом событии – сносе памятника Ленину, главный герой первым делом интересуется, как сегодня следует отвечать на приветствия украинцев («Здоровеньки булы?»), чтобы избежать агрессии:

– Щас по-другому, – кивнул шофер. – Ты кажешь: «Слава Вкраини!», а тоби кажуть: «Героям слава!» У Ивано-Франькивски одын хлопець-москаль нэ знав, що трэба отвитыть, дак його вбылы, – спокойно добавил он [Там же. С. 93].

«Деколонизация» для украинцев, впрочем, как и для других народов СССР, была связана с уничтожением символики, связывающей с прошлым: свержение памятника Ленину, сжигание партбилетов. Таким образом происходило, казалось, обретение независимости и восстановление исторической справедливости. На бытовом уровне «деколонизация» происходила путем исключения контактов с русскими, например, в такую ситуацию Горячев попал, пытаясь снять квартиру во Львове:

Мыкола заколотил в дверь и стал громко объяснять, что гость хоть и из Москвы, но работает на американское телевидение. Повторил фразу еще пару раз. Дверь открылась. Хозяин теперь уже улыбался и так же жестом попросил пройти в комнату [Там же. С. 94].

Изменение настроений по отношению к «титულной» нации подтверждает начало деконструкции позднесоветского периода, когда культивировавшийся советской властью образ врага в лице США перерождается в образ друга, а образ России – наоборот, в образ врага.

После Львова автор отправляет своего героя в Вильнюс, где происходило схожее: удостоверение сотрудника американской телекомпании стало служить русскому журналисту гарантом безопасности. Для жителей Литвы указанием на историческую несправедливость была дата «1939 год» – намек на пакт Молотова – Риббентропа, после которого в 1940 г. Литва вошла в состав СССР. Как и на Украине, в Литве на улицах появлялись лозунги «Оккупанты, вон из Литвы!» [27. С. 121]. Процесс деколонизации происходил теми же способами, как на Украине и в Грузии: претензии по поводу оккупации территорий и отказа от русского языка.

– Ромас, прости, но ты вроде как издеваешься. Сам же знаешь, что сегодня в Вильнюсе поесть или что-то купить нелитовцу невозможно. В магазине спрашивают и отвечают только по-литовски [27. С. 101].

После Украины и Литвы Горячев прилетает в Грузию и, как оказывается, уже не в первый раз. Морозов, как в свое время и Андрей Битов [17], описывает приезд своего героя в южную страну как возвращение «домой», где его всегда ждут. В разговоре со своим грузинским другом Зурабом Горячев узнает об антирусских настроениях в Грузии, хотя надеялся, что народ не поддастся националистическим лозунгам «Грузия для грузин!» времен президента Гамсахурдия. Герой оказывается в схожей ситуации, как и на Украине или в Прибалтике. Здесь также звучат обвинения в адрес России как страны, оккупировавшей и русифицировавшей Грузию, и умалчивается помощь в развитии края (индустриализация, образование и медицина).

Тема русских как оккупантов и обида на грузин из-за недооценки вклада в развитие республики звучит в повестях и в разных главах романа «Патриоты и негодяи» Юрия Хабибулина¹.

¹ Юрий Далилевич Хабибулин (1953 г. рожд.) родился в Красноярском крае, но его детство и юношество прошли в Грузии, куда он приехал с родителями геологами. В Тбилиси он окончил Политехнический институт по специальности «Автоматика и телемеханика». Проработал инженером, служил в Советской армии. Спустя 40 лет проживания в

В центре всего творчества автора находится судьба 30-летнего русского мужчины с многозначительным для русско-грузинских отношений именем и фамилией – Сергей Есенин. Прототипом героя отчасти является сам писатель. Хабибулин дополняет галерею образов, представленную в ранее приведенных текстах: его герой не русский «эмигрант», как у Бойко, и не приезжий журналист, как у Морозова, а «грузинский» русский, т.е. русский парень, выросший и живущий в Грузии, уважающий устои страны и знающий грузинский язык. Хабибулин в его лице рисует образ некоего Робин Гуда, совершающего героические поступки и защищающего несправедливо обиженных¹. В романе «Патриоты и негодяи» в главе «Апрель 89-го» (2007) Хабибулин констатирует изменения в обществе и обвиняет в этом асоциальные слои (уголовников, мошенников), почувствовавших ослабление власти из Москвы [29]. Криминальные элементы повлекли за собой массы. Самыми удобными для них лозунгами, объединившими население, стали: «Оккупационная армия – вон из Грузии!», «Русский Иван – убирайся домой!», «Грузия – для грузин!» Как и героиня Нины Бойко, Сергей, пережив все перипетии переломного времени, покидает Грузию, что становится главной темой рассказа «Фуршет на летном поле» (2012). И в тексте также звучит тема недооцененности вклада русских в развитие Грузии.

Все негрузины вдруг стали изгоями – оккупантами, гостями, нахлебниками, несмотря на то, что десятки лет работали на этой земле, отдавая ей все свои силы, знания и умения [28. С. 234].

Прибегая к приему диалога «русского» и «грузина», как сделала и Бойко, Хабибулин вводит в текст сцену разговора, завязавшегося на летном поле [Там же. С. 238–239]. Здесь сталкиваются грузинский и русский взгляд на роль в совместной истории: бандиты-грузины обвиняли в оккупации Грузии, а русский вспоминал об оказанной помощи в защите от мусульман и свободе, которую, по его словам, Грузии дал Ельцин.

- Ты же русский?
- Русский.
- Вот и должен отвечать за то, что ваш Ельцин надделал.

Грузии, в 1993 г., на волне отъезда русскоязычных жителей из Грузии, он возвращается в Россию и живет в Белгороде.

¹ Например, в ниже анализируемой повести он героически спас грузина от хулиганов.

– За то, что Ельцин сделал Грузию независимой? – Сергей старался говорить спокойно.

Парень в кедах, наоборот, пытался себя распалить и нес первое, что приходило на ум.

– Нэт, за то, что русские захватили Грузию и командовали тут [28. С. 235]¹.

Разговор бандитов и русской жертвы можно охарактеризовать как разговор «заложников времени», в котором каждый пытался выжить: обвинения «малых» народов связаны с приходом русских на их землю, на что сами русские смотрели как на благородный труд и помощь.

Национальный язык как индикатор

Другой путь «деколонизации» связан с языком. В процессе выстраивания «нового» суверена язык является едва ли не основной определяющей чертой национального государства. Владение или невладение языком определяет причисление к своим или к чужим и, кроме того, объясняет претензии в адрес не знающих его жителей новообразовавшегося государства. Например, у того же Морозова можно прочесть:

Но почему я знаю русский язык, а ты не знаешь грузинский? Ну, ладно, не ты, а те, кто много лет прожил в Грузии, они почему не знают? Что, ниже собственного достоинства?.. «Старший» брат не должен знать языка «младшего», да? [27. С. 109].

В период «дружбы народов» непозволительно было концентрировать внимание на акценте как на разделяющем и раздражающем факторе, идентифицирующем разные нации, а после развала СССР нерусская речь или нерусский акцент стали объектами агрессии и причиной проявления национализма. Хотя следует учитывать сложную языковую ситуацию в СССР, где человек, идентифицирующий себя как украинец, мог жить в России и не владеть украинским, так же могло быть с русским, проживающим в Азербайджане и не владеющим русским языком или говорящим с сильным акцентом.

Произведения русской литературы постсоветского периода, к которым я обращаюсь ниже, демонстрируют три тенденции имита-

¹ Абсолютно схожий диалог звучит и у В. Морозова в «Цхинвали».

ции акцента в тексте: первая – это введение акцента как знак подчеркивания национальной принадлежности (например, как в вышеприведенном диалоге у Хабибулина), вторая – как указание на недалекость и чуждость, а третья связана со стремлением развенчать стереотип о том, что люди, говорящие с акцентом, являются необразованными, дикими и принадлежат к криминалу. Тем самым, с одной стороны происходило отталкивание, а с другой – наоборот, стремление удержать в своем поле тех, кого широкие массы, основываясь на стереотипах, идентифицировали как чужих. Например, подтверждением сказанному служат «кавказский» акцент или особый стиль «кавказской» речи, которые использовались авторами в двух случаях: для сближения – поиска подхода к чужим, чтобы быть услышанными, донести до них информацию, или для отталкивания – констатации унижительного пренебрежения и закрепления образов как Других (Саид). Первый случай можно встретить в тексте Юрия Хабибулина. Главный персонаж его произведений Сергей Есенин имитирует грузинскую интонацию языка, прибегая к грузинским словам и апеллируя к местному этосу:

– Батонебо (уважаемые), это раненый. Даже если он в чем-то виноват, его надо сначала вылечить. Потом разбираться. Может, вы ошиблись и это совсем не тот человек, о котором вы подумали. Кроме того, он еще совсем мальчишка, а вы все вашкацы (витязи), взрослые мужчины. Не годится взрослым мужчинам убивать детей. Неправильно это. Я тоже, как мужчина, не могу отойти [31. С. 147].

Целью выбора такого приема является желание Сергея защитить раненного 16–17-летнего грузинского парня от нападков своих же, у которых были иные политические взгляды.

Акцент как повод агрессии нашел место в рассказе Николая Пчелина «Вечный жид» (2001). В нем автор пытается развенчать стереотипы, сложившиеся в российском обществе, о том, что для всех бывших народов СССР Москва – главный «обожеествляемый» объект стремления и что кавказцы дики, а русские цивилизованны. В центре внимания находится история армянина-мигранта, родившегося в Спитаке и, как многие жители разных национальностей бывшего СССР, из-за политических и экономических проблем отправившегося в Россию в поиске заработка. Для рассказчика Москва была «русским Вавилоном», и он ощущал себя кроликом, прыгающим в пасть удаву. Приехав в Россию, чтобы избежать соучастия в армяно-азербайджанском конфликте, рассказчик сам становится

объектом межэтнической неприязни. Он подвергается агрессии со стороны русского офицера в поезде Астрахань – Москва. Образованный дипломатичный кавказец, собирающийся почитать книгу, выдерживает нападки грубого недалекого пьяного русского прапорщика, который кичится военной мощью своей страны:

На вторую ночь пути с полки, противоположной моей верхней, сорвался пьяный русский прапорщик, весь вечер накануне пристававший ко мне: «Куда едешь, хачык?». «Хачиками» русские шовинисты презрительно называют нас, армян, грузин, аджарцев, – всех кавказцев. Ничего бы обидного в этом не было, если бы не интонация, не акцент, которым они обязательно сопровождают свое «хачык». Хотя я по-русски говорю чище и правильнее этого вонючего толстозадого «куска» (так, я слышал, зовут их в армии за неугасимую и неутомимую страсть красть все, что ни попадя), ответить ему: «В Москву, кусок, в Москву!» – я не осмелился. Его налитые водкой свиные глазки были лишены мысли [32. С. 100].

Писатель так поворачивает сюжет, что пьяный русский прапорщик, считающий себя представителем «титულიной» нации, не может быть сравнен даже с преступником, вором в законе, потому что тот находится над национальными различиями и определяет добропорядочность людей не по нации, а по поступкам. Пчелин вводит в текст сюжет о воре в законе Батоне (скорее всего, по национальности он грузин, потому что в России было несколько грузинских криминальных группировок, к тому же кличка Батон может происходить от грузинского «батано» – господин), который разбил о голову человека бутылку, за то что тот обозвал «жидом» его адвоката Раскина.

Акцент как знак принадлежности к чужим, но порядочным людям использован в романе Вячеслава Передельского «Перцев дом». Здесь фигурирует образ кавказца – грузина, что становится понятно по указанию на главного героя поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»:

Потомок «витязя» не заставил себя «долго» ждать. Их развелось в туманном городе как тараканов на кухне. Конечно, был он не в тигровой шкуре, добротном черном клифте, в традиционной кепке-аэродроме. <...>

- Понимаешь, ара...
- Нэ ара я, – перебил витязь. – Нэ называй мэнэ так.
- Кацо? – спросил Лева. – Значит, Ладо.
- Шалва я. Тэбе чего? [33. С. 11].

Передельский, несмотря на ироничное повествование, в одном из сюжетов книги обращает внимание читателя на унижительное отношение к кавказцу. Писатель, как и предыдущие авторы, пользуясь приемом противопоставления, рисует образ жуликов, говорящих без акцента, и образ порядочного человека, говорящего с акцентом. Русские воры-аферисты обманным путем продают грузину не золотое, а медное кольцо. Здесь также автор стремится развеять стереотип о говорящих с акцентом как о дикарях и преступниках, тем самым желая удержать людей иных национальностей в многонациональном поле, создававшемся на протяжении многих лет.

Внешность

Третьим способом, который служит «деколонизации», кроме языка и обращения к истории, является концентрация внимания на особенностях внешности и стиля поведения. Национализм проявлялся к тем, кто не соответствует устоявшимся типажам какой-либо нации. Иногда проявление агрессии заканчивается плачевно. Юрий Хабибулин в повести «Небоевые потери» (2014) передал читателю одну из трагических историй. В ней рассказывается о благородном грузине, преданном своей стране и дружбе с русским Сан Санычем (капитаном Александром Александровичем Шабановым). Они вместе воевали в Афганистане. Здесь герои противопоставляются не просто по национальному признаку, но и по поколениям: старшее – советское и младшее – постсоветское. Молодое поколение видится автору аморальным, а старшее – воспитанным в высокогуманных ценностях. Оптимист Сан Саныч приютил и помогал из жалости спивавшемуся, обиженному на весь мир за безденежье и отсутствие счастья Лёнчику. Из-за бесчеловечности, ограниченности и распушенности жертвой Лёнчика стал друг Шабанова – грузин Дато Гвенетадзе, спасший Сан Саныча в Афгане. И здесь акцент становится приметой образованности человека: Дато был военным переводчиком и журналистом, побывавшим после Афгана во многих горячих точках мира. Долгожданная встреча в кафе с дочкой Этери закончилась для Гвенетадзе смертью. Герой, спасшийся на многих войнах, умер от удара в голову пьяного неудачника Лёнчика, который, увидев кавказца в девушкой, не подумал о встрече отца с дочерью, а решил, что это «черножопый клеит их баб» [34]. Главной причиной случившегося стала неславянская внешность кавказца:

Те, кто Дато не знал, легко могли принять его и за кавказца, и за араба, и даже за итальянца, настолько в нем переплелись характерные черты и признаки разных народов, среди которых другу приходилось подолгу жить и не выделяться [34].

Осуждая и обвиняя старшее поколение в появлении таких, как Лёнчик, писатель создает многозначный конец повести. Шабанов, не успевший защитить друга, взял вину на себя. Смена поколений в России повлекла за собой и разное отношение к Другим.

Бытовой национализм, основанный на идентификации лишь по внешним признакам, нашел отражение и у Олега Ларина в сборнике сцен «Пятиречье» (2001). Писатель, как и Пчелин, противопоставляет кавказцам пьяного русского, с которыми ассоциируется образ врага, виновного в коррупции и худшем образе жизни. Кавказцы кажутся маленькими ростом, но коррупцией наносящими большой вред России:

– Кавказские чурки вонючие! Ваши абреки сколько воруют? А мне нельзя? Ишь вы, азерблюды грузиноподобные! – услышал я хрипатый голос одноглазого. И через паузу – звуки схватки... сопение... собачий лай. – Вас надо в ошейник с намордником – и на цепь!.. Сами такие маленькие, а жрут... едрит твою навыворот» [35. С. 132].

Кажущаяся внешняя отсталость становится причиной нападков в рассказе «Жених» (2010) Елены Одиноквой. Здесь речь идет о жизни таджиков, мигрирующих в России. В восприятии русского таджики являются интеллектуально неразвитыми перевозчиками наркотиков и наркоманами: «Хуршед тупой». В сознании русских героев азиаты настолько незначительны, что служат фоном самоутверждения даже для представителей низшей прослойки общества:

Единственная заслуга таджиков – в том, что они дешевле азевов. Они дешевле всех и не пьют. <...> Они помогают любому русскому ваньке чувствовать себя хозяином большой страны. Даже русские бомжи считают, что они круче таджиков [36. С. 133].

Образ чужих связан не только с азиатами, но и с другими народами бывшего СССР. Кульминацией национализма, основанного на претензиях на историческую справедливость, служат обвинения в отношении каждой нации. Автор выстроил сборный образ врага. И с каждым отдельным народом связана своя «вина» перед русскими. Обвинения в адрес Других являются оборонитель-

ной тактикой воображаемого рассказчика, за которой скрывается накопившийся за десятилетия страх быть «уничтоженными»:

Татары дрючили – теперь у них от национальности остались одни фамилии. Грузины и евреи дрючили. Конкретно так. Полстраны отправили в лагерь, а потом еще полстраны продали. Почему-то никто даже не вспоминает, что страной руководил грузин – мол, русские сами себя истребляли, потому что это нация рабов и стукачей. Нет больше грузин и армян, нет татар и евреев, нет чукчей и немцев, есть только русские [36. С. 133].

Итак, вспоминая книгу Эдварда Саида «Ориентализм» (1978), в которой он писал, что Восток способствовал выстраиванию идентичности Запада, следует сказать, что и для новых суверенов, в частности для постсоветской России, образ Других помогал обрести «новую» постсоветскую идентичность. За перемоделированием геополитического пространства последовало и перемоделирование тем в литературе: риторика «дружбы народов» превратилась в риторику национализма, за которым скрывалось желание обрести свое лицо, частично утерянное за период формирования советского человека в позднесоветский период. Во времена гласности зазвучали темы, отразившие расколотившуюся «гармонию» совместного многонационального существования, и начался процесс высвобождения из навязанных советской национальной политикой клише. Зачастую «деколонизация» происходила путем прикрепления унижительных и оскорбительных ярлыков, выдвижения несправедливых обвинений. Все это происходило из-за чувства «второсортности», скопившегося за годы советской власти. Оно было свойственно и русским, и нерусским. Осколками мозаики, теряющими связи с другими народами бывшего СССР, явились упреки в исторической несправедливости, в невладении языком нового национального государства или в иной внешности. Процесс «деколонизации» являлся не единственным вектором выстраивания отношений. Также присутствовало и желание писателей сдерживать националистические тенденции, почему они и прибегали, например, к приему имитации нерусского акцента как индикатора порядочности. Русская литература 1990–2000-х гг. пронизана двумя темами: темой национализма как ступени к «деколонизации» и обретению «новой» национальной идентичности и темой растерянности, курсирующей между воспоминаниями о прежней дружбе и реальностью нового времени.

Литература

1. *Carey H., Raciborski R.* Postcolonialism: A Valid Paradigm for the Former Sovietized States and Yugoslavia? // *East European Politics & Societies*. 2004. Vol. 18, №. 2. P. 191–235.
2. *Chari S., Verdery K.* Thinking between the Posts: Postcolonialism, Postsocialism, and Ethnography after the Cold War // *Comparative Studies in Society and History*. 2009. Vol. 51, №. 1. P. 6–34.
3. *Korek J.* Central and Eastern Europe from a Postcolonial Perspective // *Korek J.* (ed.). *From Sovietology to Postcoloniality. Poland and Ukraine from a Postcolonial Perspective*. Stockholm: Södertorns högskola, 2007. P. 5–22.
4. *Kuhiwczak P.* How postcolonial is post-communist translation? URL: http://wrap.warwick.ac.uk/121/1/WRAP_Kuhiwczak_9070972-140808-Postcommunist_tr_final.pdf
5. *Stefanescu B.* Postcommunism/Postcolonialism: Siblings of Subalternity. Bucharest: University of Bucharest Publishing House, 2013. 249 p.
6. *Tlostanova M., Mignolo W.* Global Coloniality and the Decolonial Option // *Kult*. 2009. №. 6. P. 130–147.
7. *Kappeler A.* Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung – Geschichte – Zerfall. München: Verlag C.H. Beck, 1992. 395 s.
8. *Кантелер А.* «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 15–32.
9. *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 528 p.
10. *Мартин Т.* Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 55–87.
11. *Moore D. Ch.* Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // *PMLA*. 2001. Vol. 116. 1. P. 111–128.
12. *Тлостанова М.* Жить никогда, писать ниготкуда: Постсоветская культура и эстетика транскультурации. М.: УРСС, 2004. 416 с.
13. *Гусейнов Г., Драгунский Д.* Новый взгляд на старые истины // *Ожог родного очага*. М., 1990. С. 7–28.
14. *Азадовский К.* Переписка из двух углов Империи // *Вопросы литературы*. 2003. № 5. С. 3–33.
15. *Битов А.* Грузинский альбом. Тбилиси: Мерани, 1985. 222 с.
16. *Астафьев В.* Ловля пескарей в Грузии // *Наш современник*. 1986. № 5. С. 123–141.
17. *Чхаидзе Е.* «Русский имперский человек» в «провинции»: Дискурс «Россия – Грузия» в книге Андрея Битова «Империя в четырех измерениях» // *Дружба народов*. 2014. № 10. С. 214–236.
18. *Мамедов М.* Массовые стереотипы и предрассудки в национальных историях и представлениях о прошлом (На примере «лица кавказской национальности») // *Национальные истории в советском и постсоветских государствах* / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., АИРО-XX, 2003. С. 103–113.
19. *Чхаидзе Е.* Память о «Стране»: роман Н.Е. Соколовской «Литературная рабыня: будни и праздники» // *Вопросы литературы*. 2016. № 3. С. 160–174.
20. *Чхаидзе Е.* Грузинская тематика в русской литературе постсоветского периода // *Борис Пастернак и Тициан Табидзе: дружба поэтов как диалог культуры: сб. по*

материалам конференции / сост. Н.А. Громова, Г.В. Лютикова; отв. ред. Г.В. Лютикова. М., 2016. С. 178–193.

21. Чхаидзе Е. «Homo cartvelicus» Василия Димова // *Literary Researches*. 2016. № 36. С. 255–268.

22. Хардт М. Негри А. Империя. М.: Практикс, 2004. 440 с.

23. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1983. 224 p.

24. Estel B. *Nation und Nationale identität*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag. European Commission, 2002. 516 s.

25. Бойко Н. Прощай, Сакартвело!: Записки обывателя // *Наш современник*. 2005. № 4. С. 110–165.

26. Беляков С. Журнальная полка Сергея Белякова // *Урал*. 2005. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/7/tt13.html>

27. Морозов В. Цхинвал // *Наш современник*. 2007. № 1. С. 87–117.

28. Хабibuлин Ю. Фуршет на летном поле // *Молодая гвардия*. 2012. № 4. С. 233–249.

29. Хабibuлин Ю. Апрель 89-го. URL: <https://proza.ru/2014/07/18/926>

30. Хабibuлин Ю. Патриоты и негодяи. URL: http://samlib.ru/h/habibulin_j_d/

31. Хабibuлин Ю. Брат // *Наш современник*. 2008. № 4. С. 142–147.

32. Пчелин Н. Вечный жид // *Знамя*. 2001. № 6. С. 98–109. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/6/pchel.html>

33. Передельский В. Перцев дом // *Нева*. 1992. № 5. С. 8–116.

34. Хабibuлин Ю. Небоевые потери. URL: http://zhurnal.lib.ru/h/habibulin_j_d/indexdate.shtml

35. Ларин О. Пятиречие. Сцены из захолустной жизни // *Новый мир*. 2001. № 2. С. 107–133. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/2/larin.html

36. Одинокова Е. Жених // *Дружба народов*. 2010. № 8. С. 129–138. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/8/od11-pr.html>

SOVIET SPLINTERS: NATIONAL DISCOURSE AND ITS ROLE IN POST-SOVIET “DECOLONIZATION”

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2017, 8, pp. 190–213. DOI: 10.17223/24099554/8/10

Elena K. Chkhaidze, Ruhr University (Bochum, Germany). E-mail: elena.chkhaidze@ruhr-uni-bochum.de

Keywords: Russian postsoviet literature, national question, topic of Others, A. Bitov, V. Astaf'ev, N. Boyko, Yu. Khabibulin, E. Odinkova, V. Morozov, V. Peredelskiy, O. Larin, N. Pchelin.

Soviet cultural and political space was represented as a mosaic fastened with ideology of “friendship of peoples”. In the period of Glasnost’ the mosaic broke against the freedom of speech. The double ideological standards existing in the Soviet time and covered with a mask of “friendship of peoples” were opened. In the last years of the Soviet Union there appeared texts that were a clear demonstration of the broken-up “harmony”. During the first post-Soviet decade national discourse became main in the Russian literature.

The most discussed were questions which had not been discussed earlier, or reflections in books had other forms, for example: the national question or the topic of Others (A. Bitov, V. Astaf'ev, N. Boyko, Yu. Khabibulin, E. Odinkova, V. Morozov, V. Peredelskiy, O. Larin, N. Pchelin). In the article the author researches two fields of reflection in con-

temporary Russian literature: (1) reflection on the friendly relations between the peoples of the former USSR and (2) the tendency of release / “decolonization” from the models of international relations imposed by the Soviet ideology of “friendship of peoples”. Reflection of a negative attitude towards people of other nationalities served as the release and formation of a new sovereign. It is important that not only the “periphery” aspired to independence, but the “metropolis” also wanted to be freed from its past roles. The Russian writers describe post-Soviet wars and anti-Russian demonstrations in Ukraine, Georgia and in the Baltic states. Conversely, they describe cases of aggressive attitude to non-Russians in Russia. Thus is formed the new image of the enemy: for Russians it is the former peoples of the USSR, and for non-Russians it is Russians. The author has identified some ways of “decolonization” / release from the old relations: criticism because of historical injustice, criticism of not knowing the language, criticism because of external differences. Examples of texts are given for each of the ways. The analysis of the new texts has helped to track two post-Soviet tendencies in Russian literature: the theme of nationalism and the theme of confusion between the memories of old friendship and the reality of the new time.

References

1. Carey, H. & Raciborski, R. (2004) Postcolonialism: A Valid Paradigm for the Former Sovietized States and Yugoslavia? *East European Politics & Societies*. 18:2. pp. 191–235.
2. Chari, S. & Verdery, K. (2009) Thinking between the Posts: Postcolonialism, Post-social-ism, and Ethnography after the Cold War. *Comparative Studies in Society and History*. 51:1. pp. 6–34.
3. Korek, J. (2007) Central and Eastern Europe from a Postcolonial Perspective. In: Korek, J. (ed.). *From Sovietology to Postcoloniality. Poland and Ukraine from a Postcolonial Perspective*. Stockholm: Södertorns hogskola.
4. Kuhiwczak, P. (n.d.) *How postcolonial is post-communist translation?* [Online] Available from: http://wrap.warwick.ac.uk/121/1/WRAP_Kuhiwczak_9070972-140808-Postcommunist_tr_final.pdf.
5. Stefanescu, B. (2013) *Postcommunism/Postcolonialism: Siblings of Subalternity*. Bucharest: University of Bucharest Publishing House.
6. Tlostanova, M. & Mignolo, W. (2009) Global Coloniality and the Decolonial Option. *Kult*. 6. pp. 130–147.
7. Kappeler, A. (1992) *Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung – Geschichte – Zerfall* [Russia as a multi-ethnic empire. Genesis - History - Decay]. Munich: Verlag C.H. Beck.
8. Kappeler, A. (2000) “Rossiya – mnogonatsional’naya imperiya”: nekotorye raz-myshleniya vosem’ let spustya posle publikatsii knigi [“Russia as a multinational empire”]: some reflections eight years after the publication of the book]. Translated from German. *Ab Imperio*. 1. pp. 15–32.
9. Martin, T. (2001) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the So-viet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press.
10. Martin, T. (2002) Imperiya pozitivnogo deystviya: Sovetskiy Soyuz kak vysshaya forma imperializma? [The Empire of Positive Action: The Soviet Union as the Highest Form of Imperialism?]. Translated from English. *Ab Imperio*. 2. pp. 55–87.
11. Moore, D. Ch. (2001) Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique. *PMLA*. 116:1. pp. 111–128.

12. Tlostanova, M. (2004) *Zhit' nikogda, pisat' niotkuda. Postsovetskaya kul'tura i estetika transkul'turatsii* [To live never, to write from nowhere. Post-Soviet culture and aesthetics of transculturation]. Moscow: URSS.
13. Guseynov, G. & Dragunskiy, D. (1990) Novyy vzglyad na starye istiny [A new view of the old truths]. In: Kobo, H. & Shungite, M. (eds) *Ozhog rodnogo ochaga* [Burn of the native hearth]. Moscow: Progress.
14. Azadovskiy, K. (2003) Perepiska iz dvukh uglov Imperii [Correspondence from two corners of the Empire]. *Voprosy literatury*. 5. pp. 3–33.
15. Bitov, A. (1985) *Gruzinskiy al'bom* [The Georgian album]. Tbilisi: Merani.
16. Astaf'ev, V. (1986) Lovlya peskarey v Gruzii [Catching minnows in Georgia]. *Nash sovremennik*. 5. pp. 123–141.
17. Chkhaidze, E. (2014) “Russkiy imperskiy chelovek” v “provintsiy”. Diskurs “Rossiya – Gruziiya” v knige Andreyta Bitova “Imperiya v chetyrekh izmereniyakh” [“Russian Imperial Man” in the “province”. Discourse “Russia – Georgia” in Andrei Bitov’s book “The Empire in Four Dimensions”]. *Druzhba narodov*. 10. pp. 214–236.
18. Mamedov, M. (2003) Massovye stereotipy i predrassudki v natsional'nykh istoriyakh i predstavleniyakh o proshlom. (Na primere “litsa kavkazskoy natsional'no-sti”) [Mass stereotypes and prejudices in national histories and representations about the past. (On the example of “a person of a Caucasian nationality”). In: Aymermakher, K. & Bordyugov, G. (eds). *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh* [National histories in the Soviet and post-Soviet states]. Moscow: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-XX.
19. Chkhaidze, E. (2016) Pamyat' o “Strane”: roman N. E. Sokolovskoy “Literaturnaya rabynya: budni i prazdniki” [Memory of “The Country”: N. Sokolovskaya’s novel “The Literary Slave: Everyday Life and Holidays”]. *Voprosy literatury*. 3. pp. 160–174.
20. Chkhaidze, E. (2016) Gruzinskaya tematika v russkoy literature postsovetskogo perioda [Georgian subjects in Russian literature of the post-Soviet period]. In: Lyutikova, G.V. (ed.) *Boris Pasternak i Titsian Tabidze: druzhba poetov kak dialog kul'tur: Sbornik po materialam konferentsii* [Boris Pasternak and Titian Tabidze: friendship of poets as a dialogue of cultures: A collection of materials on the conference]. Moscow: Izdatel'stvo “Literaturnyy muzey”.
21. Chkhaidze, E. (2016) “Homo cartvelicus” Vasiliya Dimova [“Homo cartvelicus” by Vasily Dimov]. *Literary Researches*. 36. pp. 255–268.
22. Hardt, M. & Negri, A. (2004) *Imperiya* [Empire]. Moscow: Praksis.
23. Anderson, B. (1983) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.
24. Estel, B. (2002) *Nation und Nationale identität*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag. European Commission.
25. Boyko, N. (2005) Proshchay, Sakartvelo! Zapiski obyvatelya [Farewell, Sakartvelo! Notes of a common man]. *Nash sovremennik*. 4. pp. 110–165.
26. Belyakov, S. (2005) Zhurnal'naya polka Sergeya Belyakova [The magazine shelf of Sergei Belyakov]. *Ural*. 7. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/7/tt13.html>.
27. Morozov, V. (2007) Tskhinval [Tskhinval]. *Nash sovremennik*. 1. pp. 87–117.
28. Khabibulin, Yu. (2012) Furshtet na letnom pole [Cocktail party on the airfield]. *Molodaya gvardiya*. 4. pp. 233–249.
29. Khabibulin, Yu. (2007) *Aprel' 89-go* [The April of '89]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2014/07/18/926>.

30. Khabibulin, Yu. (2007) *Patrioty i negodyai* [Patriots and Scoundrels]. [Online] Available from: http://samlib.ru/h/habibulin_j_d/
31. Khabibulin, Yu. (2008) Brat [Brother]. *Nash sovremennik*. 4. pp. 142–147.
32. Pchelin, N. (2001) Vechnyy zhid [The Eternal Jew]. *Znamya*. 6. pp. 98–109. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/6/pchel.html>.
33. Peredel'skiy, V. (1992) Pertsev dom [Pertsev House]. *Neva*. 5. pp. 8–116.
34. Khabibulin, Yu. (n.d.) *Neboevye poteri* [Non-combat losses]. [Online] Available from: http://zhurnal.lib.ru/h/habibulin_j_d/indexdate.shtml
35. Larin, O. (2001) Pyatirechie. Stseny iz zakhlostnoy zhizni [The Pentateuch. Scenes from the Provincial Life]. *Novyy mir*. 2. pp. 107–133. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/2/larin.html.
36. Odinkova, E. (2010) Zhenikh [The Bridegroom]. *Druzhba narodov*. 8. pp. 129–138. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/8/od11-pr.html>.